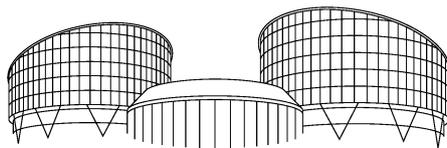

Данное постановление было первоначально опубликовано на английском языке Европейским судом по правам человека в его базе данных HUDOC (<https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-155007>). Данный документ представляет собой неофициальный перевод, автоматически созданный OnlineDocTranslator (<https://www.onlinedoctranslator.com/en/>), и может не отражать оригинальный материал или точку зрения источника. Данный неофициальный перевод загружен Европейским центром защиты прав человека (https://ehrac.org.uk/en_gb/) исключительно в информационных целях.

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО МУХИТДИНОВА ПРОТИВ РОССИИ

(Заявка № 20999/14)

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 мая 2015 г.

ФИНАЛ

19.10.2015

Это решение вступило в законную силу в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции. Он может быть подвергнут редакционной правке.

В деле Мухитдинов против России,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседающий в качестве Палаты в составе:

Изабель Берро, *Президент*,
Джулия Лафранк,
Пауло Пинту де Альбукерке,
Линос-Александр Сисилианос,
Эрик Мёсе,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,

и Сорен Нильсен, секретарь секции,

Совещавшись 21 апреля 2015 года за закрытыми дверями,

Выносит следующее решение, которое было принято в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 20999/14) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») г-ном Лутпиддином Бахритдиновичем Мухитдиновым («Конвенция»). заявитель»), 13 марта 2014 г.

2. Интересы заявителя представляла г-жа Н. Ермолаева, адвокат, практикующий в Москве. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-н Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его высылка в Узбекистан подвергнет его риску жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции. Он жаловался на то, что последний период его содержания под стражей в рамках процедуры экстрадиции был незаконным и что суды не приняли во внимание его доводы о незаконности содержания под стражей.

4. 17 марта 2014 г. исполняющий обязанности Председателя Первой секции постановил указать правительству в соответствии со статьей 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть экстрадирован или иным образом недобровольно выслан из России в Узбекистан или другую страну на срок действия разбирательства в Суде. Исполняющий обязанности Председателя также просил Правительство создать соответствующий превентивный и защитный механизм, способный обеспечить эффективную защиту заявителя (в частности, после его освобождения из-под стражи) от его незаконного или неправомерного выдворения с территории России и юрисдикции Российской Федерации. судов и информировать суд о принятых мерах.

Исполняющий обязанности Председателя также решил отдать приоритет заявке в соответствии с правилом 41.

5. 7 мая 2014 года заявление было передано правительству.

6. 22 июля 2014 г. представитель заявителя сообщил Суду о его исчезновении после освобождения.

7. 24 июля 2014 г. председатель Первой секции просил власти Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 правила 54 Регламента Суда предоставить дополнительную фактическую информацию об обстоятельствах исчезновения заявителя и его нынешнем местонахождении.

8. 8 сентября 2014 г. председатель Первой секции предложил сторонам представить дополнительные письменные замечания в отношении исчезновения заявителя и хода расследования по этому делу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Имя и гражданство заявителя

9. Заявитель, Лутпиддин Бахритдинович Мухитдинов (он же Саттаров, см. ниже), родился в 1967 году в Узбекской ССР СССР. Он утверждает, что жил в Узбекистане до 1992 года, когда уехал в Саудовскую Аравию.

10. С 1997 года заявитель проживает в России. В 2001 году он получил российское гражданство и сменил фамилию на Саттаров.

11. 7 мая 2013 г. Тюменское управление Федеральной миграционной службы установило, что заявитель получил российское гражданство обманным путем, и аннулировало его российский паспорт. 25 декабря 2013 года Тюменский областной суд в последней инстанции оставил в силе решение миграционной службы.

12. Согласно письму начальника полиции Намангана (Узбекистан) от 8 апреля 2013 г., заявитель утратил узбекское гражданство в связи с его неучтенным отсутствием в стране более пяти лет.

B. Обвинения против заявителя в Узбекистане

13. 7 мая 1998 г. против заявителя в Узбекистане было возбуждено уголовное дело по обвинению в незаконном пересечении государственной границы Узбекистана, что является преступлением, предусмотренным статьей 223 Уголовного кодекса Узбекистана.

14. 15 декабря 2009 г. заявителю были предъявлены дополнительные обвинения по статье 159 § 3 Уголовного кодекса Республики Узбекистан («Нарушение конституционного строя Республики Узбекистан») и статье 242 § 1 («Организация преступного предприятия»). Обвинения касались предполагаемого участия заявителя в религиозной террористической организации Исламское движение Узбекистана (ваххабиты); его подозревали во встречах с ее представителями во время пребывания в Саудовской Аравии и в распространении идей организации.

15. 16 декабря 2009 г. Наманганский уголовный суд выдал ордер на арест.

С. Процедура экстрадиции в России

16. 30 июня 2013 г. заявитель был задержан в Тюмени, Россия.

17. 2 июля 2013 г. Калининский районный суд г. Тюмени вынес постановление о заключении под стражу со сроком действия до 30 июля 2013 г. В последний день районный суд продлил санкционированный срок содержания под стражей до 30 декабря 2013 г. Продление было оставлено в силе Тюменским областным судом 15 августа 2013 г. .

18. 11 декабря 2013 г. Генеральный прокурор Российской Федерации санкционировал экстрадицию заявителя в связи с организацией и участием в деятельности Исламского движения Узбекистана, экстремистской организации (статья 244-2 § 1 Уголовного кодекса Республики Узбекистан). . Отмечалось, что «выдача [заявителя]... в связи с обвинениями в экстремистской деятельности... не может рассматриваться как препятствие для выдачи, поскольку компетентными российскими власти предоставили «дипломатические заверения в том, что [заявитель]... не будет подвергаться пыткам, насилию и другому жестокому или унижающему достоинство обращению».

19. 26 декабря 2013 г. районный суд утвердил дальнейшее продление срока содержания под стражей до 30 марта 2014 г. Заявитель обжаловал продление в областном суде, утверждая, что максимальный срок содержания под стражей в случае преступления средней тяжести, за которое была выдана был утвержден, был установлен законом в шесть месяцев. Решением от 13 февраля 2014 г. областной суд отменил постановление о продлении срока от 26 декабря 2013 г., установив, что районный суд не привел конкретных причин для продления срока содержания заявителя под стражей, и передал дело о содержании под стражу в районный суд. Он постановил, что заявитель должен оставаться под стражей до 24 февраля 2014 года.

20. Между тем, 21 января 2014 г. Тюменский областной суд признал решение об экстрадиции законным и обоснованным. Суд отметил, что прокуратура Узбекистана предоставила соответствующие заверения, что у МИД России не было информации, способной воспрепятствовать экстрадиции заявителя, что ФСБ России не располагала информацией о преследовании заявителя в Узбекистане по политическим мотивам и что утверждения адвоката о реальном риске заболеть-обращение или пытки в Узбекистане были «необоснованными» (голословные).

21. 21 февраля 2014 г. районный суд издал новое постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 30 марта 2014 г. Заявитель обжаловал его по тем же основаниям, что и ранее. 11 марта 2014 г. областной суд удовлетворил жалобу заявителя и освободил его из-под стражи, установив, что в силу статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса его содержание под стражей не могло быть продлено за пределы первоначальных шести-месячный период.

22. 19 марта 2014 г. Верховный суд отклонил в последней инстанции жалобу заявителя на решение о его экстрадиции в Узбекистан. Он заявил, что доводы о реальной опасности применения пыток и политических преследований были «неубедительны».

D. Исчезновение заявителя

23. Рано утром 22 июля 2014 года заявителя увезли из дома семь сотрудников Федеральной миграционной службы в форме. Адвокат заявителя немедленно прибыл на место происшествия и попытался проследить за ними, но был остановлен дорожной полицией.

24. Когда позже в тот же день жена и сын заявителя прибыли в местное отделение Миграционной службы, им сказали, что он уже освобожден.

25. 27 июля 2014 года представитель заявителя в Европейском Суде направил по факсу письмо в Федеральную службу безопасности, Пограничный контроль и Генеральную прокуратуру с просьбой остановить незаконный перевод заявителя в Узбекистан. Она заявила, что у нее есть информация о том, что заявитель содержится в отделении милиции в Тюмени и что его могут посадить на следующий рейс в Ташкент.

26. В дополнение к запросу Суда о фактической информации (см. пункт 7 выше) 7 августа 2014 г. Правительство ответило, что текущее местонахождение заявителя неизвестно, что он не задерживался и не вывозился за пределы территории Российской Федерации представителями государства и что отсутствуют сведения о пересечении им Государственной границы.

27. 20 августа 2014 года прокуратура Тюменской области сообщила представителю заявителя следующее:

«Относительно [вашего] заявления о незаконном задержании г-на Мухитдинова сообщаю, что 22 июля 2014 года сотрудниками УФМС по Тюменской области в соответствии с утвержденным планом по противодействию незаконной миграции были проведены проверки в места проживания иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе помещения мечети по адресу: г. Тюмень, ул. Жданова, 9. После проверки трое человек, в том числе г-н Мухитдинов, были доставлены в отдел иммиграционного контроля. После опознания его отпустили.

Согласно предоставленной информации, г-н Мухитдинов (Саттаров) не был арестован полицией 22 июля 2014 г. или в какой-либо другой день; у полиции нет информации о его местонахождении».

28. 1 сентября 2014 г. прокуратура Тюменской области дополнительно уведомила адвоката о том, что 25 августа 2014 г. Тюменский областной следственный комитет возбудил уголовное дело по факту исчезновения заявителя.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

29. Уголовно-процессуальный кодекс регулирует процедуры выдачи другим государствам. Краткое изложение соответствующих положений можно найти в деле Савриддин Джураев против России (№ 71386/10, §§ 70-75, ЕСПЧ 2013 г.).

30. Срок содержания под стражей до расследования уголовного дела не должен превышать двух месяцев (статья 109 § 1 Уголовно-процессуального кодекса), но может быть продлен до шести месяцев судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня. . В отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких уголовных преступлений, может быть предоставлено дополнительное продление до двенадцати месяцев (статья 109 § 2). Продление до восемнадцати месяцев может быть предоставлено в порядке исключения в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких уголовных преступлений (статья 109 § 3).

31. Давая указания национальным судам по рассмотрению запросов об экстрадиции, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал в своем Постановлении №. 11 от 14 июня 2012 года со ссылкой на статью 3 Конвенции, что в выдаче должно быть отказано, если есть серьезные основания полагать, что лицо может быть подвергнуто пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в запрашивающем государстве. В выдаче может быть также отказано, если исключительные обстоятельства свидетельствуют о том, что она может повлечь за собой опасность для жизни и здоровья лица, в том числе в силу его возраста или

физического состояния. Российские власти, занимающиеся делом об экстрадиции, должны изучить, есть ли основания полагать, что данное лицо может быть приговорено к смертной казни, подвергнуто жестокому обращению или преследованию по признаку расы, религиозные убеждения, национальность, этническое или социальное происхождение или политические взгляды. Верховный суд далее заявил, что суды должны оценивать как общую ситуацию в запрашивающем государстве, так и личные обстоятельства лица, экстрадиция которого запрашивается. Они должны учитывать показания соответствующего лица и любых свидетелей, любые заверения запрашивающего государства и информацию о стране, предоставленную министерством иностранных дел, компетентными учреждениями Организации Объединенных Наций и Европейским комитетом по предотвращению пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Верховный суд далее заявил, что суды должны оценивать как общую ситуацию в запрашивающем государстве, так и личные обстоятельства лица, экстрадиция которого запрашивается. Они должны учитывать показания соответствующего лица и любых свидетелей, любые заверения запрашивающего государства и информацию о стране, предоставленную министерством иностранных дел, компетентными учреждениями Организации Объединенных Наций и Европейским комитетом по предотвращению пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Верховный суд далее заявил, что суды должны оценивать как общую ситуацию в запрашивающем государстве, так и личные обстоятельства лица, экстрадиция которого запрашивается. Они должны учитывать показания соответствующего лица и любых свидетелей, любые заверения запрашивающего государства и информацию о стране, предоставленную министерством иностранных дел, компетентными учреждениями Организации Объединенных Наций и Европейским комитетом по предотвращению пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание.

III. ОТЧЕТЫ ПО УЗБЕКИСТАНУ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕ-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАВООЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

32. Самые последние отчеты международных неправительственных правозащитных организаций по Узбекистану см. *Эгамбердиев против России*, нет. 34742/13, §§ 31-34, 26 июня 2014 г.

33. 6 ноября 2014 г. Amnesty International призвала к незамедлительным действиям в связи с несправедливым судом над экстрадированным беженцем Мирсобиром Хамидкариевым (EUR 62/008/2014):

«**Мирсобир Хамидкариев**, продюсер и бизнесмен из Узбекистана, в настоящее время содержится в следственном изоляторе (СИЗО) в Ташкенте. Сообщается, что 9 июня [2014 г.] он был похищен сотрудниками ФСБ России на одной из улиц в центре Москвы, Российская Федерация, и на следующий день насильственно возвращен в Узбекистан. Его продержали без связи с внешним миром в подвале в неустановленном месте в Москве в течение суток, заставляли носить мешок на голове и подвергали неоднократным избиениям. Затем его передали узбекским правоохранителям в аэропорту Москвы. Жена Мирсобира Хамидкариева и его адвокат в Москве не смогли установить с ним контакт и не знали о его местонахождении, пока через две недели он вновь не появился в подвале следственного изолятора Министерства внутренних дел (МВД) в Ташкенте. По словам его российского адвоката, который смог связаться с ним в Ташкенте 31 октября, по возвращении в Ташкент Мирсобир Хамидкариев в течение двух месяцев подвергался пыткам и другим видам жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, чтобы заставить его дать признательные показания по сфабрикованным обвинениям. . Его привязали к перекладине, прикрепленной к стене, головой вниз, и неоднократно избивали. Полицейские выбили ему семь зубов и сломали два ребра.

Власти Узбекистана обвинили его в создании запрещенной религиозно-экстремистской организации «Ислам Джихадчилари», но он категорически отверг это обвинение. По словам его российского адвоката, обвинения против Мирсобира Хамидкариева касаются его разговора со знакомыми на неформальной встрече в Ташкенте, в ходе которого он якобы выразил обеспокоенность по поводу притеснений ислама и заявил о своей поддержке женщин, носящих хиджабы. Судебные заседания несколько раз откладывались, и следующее назначено на 13 ноября [2014 года]».

IV. ТЕКСТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ ОБ ОБЯЗАННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА С СУДОМ, ПРАВЕ НА ПОДАЧУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕТЕНЗИИ И ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ

34. Временная резолюция Комитета министров CM/ResDH(2013)200 об исполнении решений Суда по делу Гарабаева против Российской Федерации (см. Гарабаев против России, № 38411/02, 7 июня 2007 г.) принят 26 сентября 2013 года на 1179-м заседании заместителей министров. Он гласит:

«Комитет министров...

При рассмотрении дел, разрешенных Судом, в которых последний установил нарушения со стороны Российской Федерации в связи с похищением заявителей и незаконной передачей их из Российской Федерации в государства, где заявители сталкиваются с реальной угрозой применения пыток и жестокого обращения, а также в нарушение обеспечительная мера, указанная Судом в соответствии с правилом 39 его Правил процедуры;

Напоминая, что, учитывая количество полученных сообщений, в том числе от Суда, относительно предполагаемых аналогичных инцидентов, о которых сообщалось, что свидетельствует о тревожной и беспрецедентной ситуации,

Комитет призвал российские власти принять в срочном порядке специальные защитные меры для заявителей, подвергающихся риску похищения и незаконного перемещения;

Отмечая, что российские власти приняли ряд общих мер для предотвращения похищений и незаконных перемещений с территории России лиц, в отношении которых были поданы запросы об экстрадиции, и Суд указал временную меру в соответствии с правилом 39 своего Регламента;

выражая глубокое сожаление по поводу того, что этих мер оказалось недостаточно для удовлетворения потребности в срочном принятии эффективных специальных превентивных и защитных мер;

выражая сожаление по поводу того, что до настоящего времени не было получено ответа на письмо, направленное Председателем Комитета министров его российскому коллеге 5 апреля 2013 года, в котором выражается серьезная озабоченность Комитета в связи с сохранением этой ситуации и его неоднократные призывы к безотлагательному принятию таких защитных мер;

Подчеркнув, что в своем решении по делу Абдулхакова Суд отметил, что «любая внесудебная передача или экстраординарная передача путем умышленного обхода надлежащей правовой процедуры является абсолютным отрицанием верховенства права и ценностей, защищаемых Конвенцией»;

подчеркивая, что эта ситуация имеет самые серьезные последствия для внутрироссийского правопорядка, эффективности системы Конвенции и авторитета Суда,

ПРИЗЫВАЕТ российские власти предпринять дальнейшие действия для обеспечения соблюдения верховенства закона и обязательств, взятых ими как государство-участник Конвенции,

ПРИЗЫВАЕТ соответственно власти к дальнейшему развитию без дальнейшего промедления надлежащего механизма, которому поручены как превентивные, так и защитные функции, для обеспечения того, чтобы заявители, в частности, в отношении которых Суд определил временную меру, пользовались (после их освобождения из-под стражи) немедленными и эффективной защитой от незаконного или неправомерного выдворения с территории России и юрисдикция российских судов».

35. Резолюция 1991 (2014) Парламентской ассамблеи, озаглавленная «Неотложная необходимость устранения новых случаев отказа в сотрудничестве с Европейским судом по правам человека», была принята 10 апреля 2014 г. Она гласит:

«Парламентская ассамблея

1. Напоминая о своей Резолюции 1571 (2007 г.) об обязанности государств-членов сотрудничать с Европейским судом по правам человека и Резолюции 1788 (2011 г.) «Предотвращение причинения вреда беженцам и мигрантам в делах об экстрадиции и высылке: указания Европейского Суд по правам человека», Парламентская ассамблея подчеркивает важность права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский суд по правам человека («Суд»). Защита этого права является целью отдельных мер, указанных Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, которые призваны предотвратить создание свершившегося факта.

2. Ассамблея рассматривает любое несоблюдение юридически обязательных мер, предписанных Судом, таких как временные меры, указанные в правиле 39, как явное неуважение к европейской системе защиты прав человека в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека (СЕД № 5). , «Конвенция»).

3. Поэтому Ассамблея призывает все государства-участники Конвенции соблюдать временные меры, указанные Судом, и предоставлять ему всю запрашиваемую им информацию и доказательства.

4. Ассамблея решительно осуждает случаи прямого нарушения несколькими государствами-участниками Конвенции (Италией, Российской Федерацией, Словацкой Республикой и Турцией) временных мер Суда, направленных на защиту заявителей от экстрадиции или депортации в страны, в которых они могли бы находиться. угроза, в частности, пыток, а также обеспечительных мер в связи с военными действиями России в Грузии (см. Грузия против России II).

5. Ассамблея настаивает на том, что международное сотрудничество между правоохранительными органами на основе региональных соглашений, таких как Шанхайская организация сотрудничества, или на основе давних отношений не должно нарушать связывающие государства-участники обязательства по Конвенции.

6. Таким образом, Ассамблея особенно обеспокоена недавним явлением, наблюдаемым в Российской Федерации, временным исчезновением заявителей, защищенных временными мерами, и их последующим появлением в стране, запросившей экстрадицию. Применяемые тайные методы свидетельствуют о том, что власти должны были осознавать незаконность таких действий, что можно уподобить неоднократно осуждаемой Ассамблеей практике «чрезвычайных выдач».

7. Ассамблея приветствует более широкое использование Судом фактических презумпций и перекладывание бремени доказывания при рассмотрении отказов государств-участников сотрудничать с ним, которые заключаются в их неспособности предоставить полные, откровенные и справедливые раскрытие информации в ответ на запросы Суда о дополнительной информации или доказательствах».

36. 5 июня 2014 года на 1201-м заседании заместителей Министров Комитет Министров принял следующее решение:

«Депутаты

1. с серьезной обеспокоенностью отметил, что еще один заявитель по этой группе дел, г-н Якубов, предположительно был похищен в Москве в апреле 2014 г., несмотря на неоднократные призывы Комитета министров к российским властям принять необходимые меры для предотвращения подобных инцидентов. (см., в частности, Временную резолюцию СМ/ResDH(2013)200);

2. призвал российские власти продолжить расследование исчезновения г-на Якубова, чтобы пролить свет на обстоятельства этого инцидента, принимая во внимание выводы Европейского суда по правам человека в отношении причастности государственных органов к другим делам, особенно в случае с Савриддином Джураевым;

3. с обеспокоенностью отметил, что этот инцидент ставит под сомнение надежность превентивных и защитных мер, принятых российскими властями в

ответ на призыв Комитета в сентябре 2013 г., и просил в этом контексте российские власти обеспечить, чтобы соответствующие лица информируются о доступных защитных мерах;

4. далее с обеспокоенностью отметил, что не было предоставлено никакой информации о каком-либо прогрессе в расследовании аналогичных предыдущих инцидентов в этой группе дел;

5. предложил российским властям предоставить информацию по различным вопросам, поднятым в этой группе дел, заблаговременно для их 1208-го заседания (сентябрь 2014 г.) (ДН)».

ЗАКОН

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

37. Заявитель первоначально жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что национальные власти не рассмотрели его утверждения о том, что ему угрожает жестокое обращение в случае его экстрадиции в Узбекистан, и что, если экстрадиция состоится, он подвергнется этому риску. В дополнение к информации об исчезновении заявителя и ответу Правительства на запрос Суда о фактической информации (см. параграфы 23-26 выше), Суд решил рассмотреть с точки зрения статьи 3 Конвенции, выполнило ли правительство свое обязательство принять меры как до, так и после его исчезновения, чтобы предотвратить его передачу в Узбекистан, и было ли проведено тщательное и эффективное расследование, способное пролить свет на важные аспекты инцидента и привести к установлению и наказанию виновных в исчезновении. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость

38. Суд считает, что эти жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Далее он отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Поэтому они должны быть объявлены допустимыми.

Б. Достоинства

39. Прежде всего Суд отмечает, что настоящее дело поднимает два отдельных вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции: (1)

предполагаемая ответственность властей за исчезновение заявителя либо в результате прямого участия представителей государства, либо в результате несоблюдения их позитивное обязательство защищать заявителя от риска исчезновения; и (2) их предполагаемое невыполнение процессуального обязательства по проведению тщательного и эффективного расследования его исчезновения. Суд повторяет, что решение этих вопросов будет зависеть, в частности, от наличия в рассматриваемое время обоснованного риска того, что заявитель может подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане (см. Касымахунов против России, № 29604/ 12, § 120, 14 ноября 2013 г.). По последнему пункту стороны разошлись во мнениях. Таким образом, Суд начнет свое рассмотрение с оценки того, подвергло ли его принудительное возвращение в Узбекистан такому риску. Впоследствии он рассмотрит другие вопросы, возникающие в связи со статьей 3, упомянутой выше.

1. Представляло ли возвращение заявителя в Узбекистан реальный риск обращения, противоречащего статье 3

а) Представления сторон

40. Правительство утверждало, что утверждения заявителя о том, что ему может угрожать жестокое обращение в случае его экстрадиции в Узбекистан, были должным образом рассмотрены национальными властями. Генеральный прокурор России получил от своего узбекского коллеги заверения в том, что заявитель не будет подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и что ему будет предоставлена возможность защищаться. Российские власти не располагали информацией о каких-либо экстрадированных лицах, подвергшихся жестокому обращению или пыткам в Узбекистане. Правительство указало, что Узбекистан является участником международных документов, запрещающих пытки и жестокое обращение, и что в экстрадиции было отказано в связи с такими преступлениями, как организация преступного сообщества, незаконное пересечение государственной границы,

41. Заявитель ответил, что дипломатические заверения узбекских властей не опровергают его доводы о высоком риске жестокого обращения (он сослался на установленную судебную практику Суда: Абдулхаков против России, № 14743/11, §§ 149-150, 2 октября 2012 г., и Саади против Италии [БП], № 37201/06, §§ 147-148, ЕСПЧ 2008 г.). Утверждение правительства о том, что оно не располагало информацией о жестокое обращение с кем-либо в Узбекистане, представляется ложным в свете недавних сообщений Amnesty International о судьбе г-на Хамидкариева, который был похищен в России и насильственно возвращен в Узбекистан, где ему пришлось

столкнуться с несправедливое судебное разбирательство, основанное на его признаниях, полученных под пытками (см. пункт 33 выше и факты жалобы № 42332/14). Сам по себе факт ратификации Узбекистаном международных договоров по правам человека не обеспечивает достаточных гарантий против жестокого обращения из-за отсутствия каких-либо механизмов контроля за соблюдением страной своих обязательств (здесь заявитель сослался на выводы Суда в деле : Ермаков против России, № 43165/10, § 204, 7 ноября 2013 г., и Ходжаев против России, № 52466/08, § 98, 12 мая 2010 г.). Заявитель счел нелогичным довод властей Российской Федерации о том, что в его экстрадиции было отказано по некоторым пунктам обвинения. Важно то, что он был санкционирован за участие в экстремистской организации, которая поместила его в уязвимую группу, систематически подвергаемую пыткам. В связи с недавними публикациями международных правозащитных организаций, заявитель утверждал, что в Узбекистане не было улучшений в сфере прав человека и что пытки лиц, подозреваемых в запрещенной религиозной деятельности, оставались широко распространенной практикой. Однако утверждения заявителя о повышенном риске применения пыток не рассматривались ни на одной из стадий внутригосударственного разбирательства.

(b) Оценка Суда

42. Суд рассмотрит существо жалобы заявителя по статье 3 в свете применимых общих принципов, изложенных, среди прочего, в деле Умиров против России (№ 17455/11, §§ 92-100, 18 сентября 2012 г., с дальнейшие ссылки).

43. В недавних делах против Российской Федерации, рассмотренных в соответствии со статьей 3 в отношении экстрадиции заявителей в Узбекистан и Таджикистан, Суд определил критические элементы, которые должны быть подвергнуты тщательной проверке (см., среди многих других источников, Савриддин Джураев против России, № 71386/10, ЕСПЧ 2013 г. (выдержки); Касымахунов и Абдулхаков, упомянутые выше, и Искандаров против России, № 17185/05, 23 сентября 2010 г.). Во-первых, необходимо рассмотреть, представил ли заявитель национальным властям веские основания полагать, что он столкнулся с реальной опасностью жестокого обращения в стране назначения. Во-вторых, Суд должен выяснить, была ли адекватно оценена жалоба компетентными национальными органами, выполняющими свои процессуальные обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции, и были ли их выводы в достаточной мере подтверждены соответствующими материалами. Наконец, принимая во внимание все существенные аспекты дела и имеющуюся соответствующую информацию, Суд должен оценить

наличие реального риска подвергнуться пыткам или обращению, несовместимому со стандартами Конвенции.

(i) Наличие серьезных оснований полагать, что заявителю угрожала реальная опасность жестокого обращения

44. Прежде всего, Суд повторяет, что в течение более десяти лет учреждения Организации Объединенных Наций и международные неправительственные организации выпускали тревожные отчеты о ситуации в системе уголовного правосудия в Узбекистане, применении пыток и жестокого обращения правоохранительными органами, жестоких условия содержания под стражей, систематическое преследование политической оппозиции и жестокое обращение с некоторыми религиозными группами.

45. Суд ранее уже рассматривал множество дел о принудительном возвращении из России в Узбекистан лиц, обвиняемых узбекскими властями в преступной, религиозной и политической деятельности (см. последнее дело Эгамбердиев против России, № 34742/13, 26 июня 2014 г.). ; Акрам Каримов против России, № 62892/12, 28 мая 2014 г.; *Низамов и другие против России*, нетс. 22636/13, 24034/13, 24334/13 и 24528/13, 7 мая 2014 г., с дополнительными ссылками). Постоянная позиция Суда заключалась в том, что лица, экстрадицию которых запрашивали узбекские власти по обвинению в совершении преступлений на религиозной или политической почве, представляют собой уязвимую группу, подвергающуюся реальному риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае их переброски в Узбекистан.

46. В настоящем деле заявитель последовательно подчеркивал в ходе внутрисударственного разбирательства, что он подвергался судебному преследованию за религиозный экстремизм и свою принадлежность к вышеупомянутой уязвимой группе. То же самое следует из экстрадиционных документов, представленных запрашивающим узбекским органом. Международный ордер на обыск и арест и запрос об экстрадиции, поданные узбекскими властями, были ясны в отношении их основания, а именно того, что он разыскивался для судебного преследования в Узбекистане по обвинению в религиозном экстремизме. Эти утверждения относительно его преступного поведения и его характера оставались неизменными на протяжении всего соответствующего разбирательства в Российской Федерации.

47. Одного этого факта, рассматриваемого в контексте международных отчетов о систематическом жестоким обращении с лицами, обвиняемыми в религиозных и политических преступлениях, было достаточно, чтобы окончательно отнести заявителя к группе лиц,

подвергающихся серьезному риску жестокого обращения в случае об их выселении в Узбекистан.

48. В свете вышеизложенных соображений Суд удовлетворен тем, что российские власти располагали достаточно подтвержденным заявлением о том, что заявитель может столкнуться с реальным риском жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан.

(ii) Обязанность адекватно оценивать заявления о реальном риске жестокого обращения, опираясь на достаточные соответствующие материалы

49. Суд отмечает, во-первых, что, несмотря на выдвижение заявителем обоснованного заявления об угрозе жестокого обращения со стороны узбекских правоохранительных органов, 11 декабря 2013 г. Генеральная прокуратура санкционировала его экстрадицию в Узбекистан без изучения каких-либо рисков для его и просто ссылаясь на отсутствие «препятствий» для передачи (см. пункт 18 выше). Правительство не представило никаких доказательств того, что Генеральная прокуратура предприняла какие-либо усилия для оценки рисков экстрадиции в государство, где, согласно авторитетным международным источникам, применение пыток является обычным явлением, а права на защиту обычно нарушаются. Более того, Безоговорочное доверие Генерального прокурора заверениям, данным властями Узбекистана, противоречило установленной Судом позиции, согласно которой этих заверений самих по себе недостаточно и что национальным властям следует с осторожностью относиться к заверениям против пыток, данным государством, в котором пытки запрещены. эндемичные или персистирующие, заверения которых не предусматривали какого-либо механизма мониторинга (см., среди прочего, Касымахунов, упомянутое выше, § 127, и Юлдашев против России, № 1248/09, § 85, 8 июля 2010 г., с дополнительными ссылками). Соответственно, Суд не может сделать вывод о том, что утверждения заявителя о возможном жестоком обращении с ним со стороны узбекских властей были должным образом рассмотрены органами прокуратуры.

50. Во-вторых, Суд считает, что национальные суды также не смогли провести всестороннюю и адекватную оценку требований заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции. Так, Тюменский областной суд и Верховный суд отказались рассматривать в экстрадиционном производстве широкий круг ссылок на прецедентную практику суда, доклады агентств ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане и, как представляется, приобщили придавать решающее значение заверениям узбекских властей, принимая их за чистую монету, не анализируя контекст, в котором они были даны, и не проводя их детальную оценку на предмет соответствия требованиям

Конвенции (см. пункты 20 и 22 выше). Суду трудно согласовать авторитетные указания, данные Верховным судом судам низшей инстанции в его Постановлении №. 11 от 14 июня 2012 года провести тщательный и всесторонний анализ серьезных заявлений о жестоком обращении и ограниченном объеме расследования, которое он принял в настоящем деле. В этой связи необходимо напомнить, что даже если национальные суды сочли доводы заявителя по существу неубедительными, они должны были отклонить эти доводы только после тщательного анализа. Ничто в материалах, находящихся в распоряжении Суда, не дает оснований полагать, что областной или Верховный суды, столкнувшись с серьезными основаниями полагать о реальной опасности 11 от 14 июня 2012 года провести тщательный и всесторонний анализ серьезных заявлений о жестоком обращении и ограниченном объеме расследования, которое он принял в настоящем деле. В этой связи необходимо напомнить, что даже если национальные суды сочли доводы заявителя по существу неубедительными, они должны были отклонить эти доводы только после тщательного анализа. Ничто в материалах, находящихся в распоряжении Суда, не дает оснований полагать, что областной или Верховный суды, столкнувшись с серьезными основаниями полагать о реальной опасности 11 от 14 июня 2012 года провести тщательный и всесторонний анализ серьезных заявлений о жестоком обращении и ограниченном объеме расследования, которое он принял в настоящем деле. В этой связи необходимо напомнить, что даже если национальные суды сочли доводы заявителя по существу неубедительными, они должны были отклонить эти доводы только после тщательного анализа. Ничто в материалах, находящихся в распоряжении Суда, не дает оснований полагать, что областной или Верховный суды, столкнувшись с серьезными основаниями полагать о реальной опасности-лечение, широко поддержанное различными международными источниками, уделило этому утверждению должное и достаточное внимание.

51. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд не убежден в том, что утверждения заявителя о том, что ему угрожает жестокое обращение, были должным образом рассмотрены национальными властями. Соответственно, он должен оценить, существует ли реальный риск того, что заявитель подвергнется обращению, запрещенному статьей 3, в случае его высылки в Узбекистан.

(iii) Наличие реальной опасности жестокого обращения

52. Суду приходилось рассматривать ряд дел, поднимающих вопрос о риске жестокого обращения в случае экстрадиции или высылки в Узбекистан из России или другого государства-члена Совета Европы. Он установил со ссылкой на материалы из различных источников, что

общая ситуация с правами человека в Узбекистане вызывает тревогу, что достоверные международные материалы свидетельствуют о сохранении серьезной проблемы жестокого обращения с задержанными, практики применения пыток в отношении лиц, содержащихся под стражей в милиции, охарактеризованы как «систематические» и «неизбирательные», и что нет никаких конкретных доказательств, демонстрирующих какое-либо существенное улучшение в этой области (см. Эгамбердиев, Акрам Каримов, Касымахунов, Ермаков, Умиров, все упомянутые выше; см. против Азербайджана, № 53688/08, § 71, 10 июня 2010 г., Муминов против России, №. 42502/06, §§ 93-96, 11 декабря 2008 г.; и Исмоилов и другие против России, №. 2947/06, § 121, 24 апреля 2008 г.).

53. Что касается личной ситуации заявителя, Суд отмечает что он разыскивается узбекскими властями по обвинениям, связанным с его предполагаемой принадлежностью к мусульманскому экстремистскому движению. Эти обвинения послужили основанием для запроса об экстрадиции и ордера на арест, выданного в отношении заявителя. Таким образом, его положение ничем не отличается от положения других мусульман, которые за исповедование своей религии вне официальных учреждений и правил обвиняются в религиозном экстремизме или членстве в запрещенных религиозных организациях и на этом основании, как отмечается в отчетах и Постановления суда, упомянутые выше, сопряжены с повышенным риском жестокого обращения (см., в частности, дело Ермаков, упомянутое выше, § 203).

54. Суд обязан отметить, что наличие внутренних законов и международных договоров, гарантирующих соблюдение основных прав, само по себе недостаточно для обеспечения надлежащей защиты от риска причинения вреда.-обращение, когда, как в данном случае, надежные источники сообщают о практике, к которой прибегают или которую допускают власти, которая явно противоречит принципам Конвенции (см. *Hirsi Jamaa and Others v. Italy* [GC], № 27765/09, § 128, ЕСПЧ 2012 г.). Кроме того, национальные власти, а также Правительство в Европейском Суде, использовали краткое и неконкретное обоснование в попытке развеять предполагаемый риск причинения вреда здоровью.-лечения с учетом вышеизложенного.

55. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что были представлены серьезные основания полагать, что заявитель столкнется с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в случае экстрадиции в Узбекистан.

56. Таким образом, Суд заключает, что исполнение постановления об экстрадиции и возвращение заявителя в Узбекистан подвергали его реальному риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

2. Несут ли российские власти ответственность за нарушение статьи 3 в связи с исчезновением заявителя.

а) Представления сторон

57. Правительство утверждало, что, получив указание Суда об обеспечительной мере в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, оно потребовало от Тюменской областной прокуратуры, областного управления милиции и Пограничной службы воздержаться от каких-либо действий в отношении перевод заявителя в Узбекистан. Узнав об исчезновении заявителя, Следственный комитет возбудил уголовное дело по статье 126.1 УК РФ (похищение). Правительство утверждало, что заявитель разыскивался путем проверки регистрационных журналов различных больниц, исправительных учреждений, бездомных, неопознанных тел и отделений милиции. В доме заявителя был произведен обыск, и у него изъяли зубную щетку для взятия образцов ДНК. Записи звонков заявителя были получены от операторов мобильной связи. Правительство утверждало, что у них не было никакой информации о передвижениях заявителя внутри России или о пересечении им российской границы.

58. Представитель заявителя утверждал, что его исчезновение было результатом его похищения с целью принудительного выдворения в Узбекистан. Это подтверждается тем фактом, что он был увезен из дома представителями государства (сотрудниками ФМС), которые пытались избежать встречи с очевидцами и препятствовали тому, чтобы его адвокат следил за ними, и что он не связывался со своим адвокатом или его родственниками в России, чтобы сообщить им о его местонахождении после того, как его в последний раз видели в помещении Тюменского УФМС. Уже 11 марта 2014 г. он подготовил письменное заявление, в котором указал, что не собирается уезжать в Узбекистан и опасается похищения. Представитель указал, что без паспорта или другого проездного документа заявитель не мог уехать по своей воле: он никогда не получал узбекский паспорт, в то время как его российский паспорт был аннулирован российскими судами. Представитель подчеркнул, что Правительство не представило никаких объяснений исчезновения заявителя и не создало правового механизма, способного предотвратить его насильственную передачу в Узбекистан. Несмотря на имеющуюся информацию о том, что он может быть отправлен в Узбекистан рейсом в Ташкент, не было предпринято никаких мер для предотвращения этого или хотя бы проверки рейса и пассажирского манифеста. Наконец, представитель утверждал, что расследование исчезновения, проведенное российскими властями, было неэффективным. Ни его адвокат, ни его жена, ни суд не были проинформированы о ходе расследования и не получили доступ к его материалам. Некоторые очевидные шаги не

были предприняты: сотрудники ФМС не опрашивались, списки пассажиров не изучались. Обыск в доме заявителя и изъятие его зубной щетки мало помогли в установлении его местонахождения.

(b) Оценка Суда

59. Суд отмечает, что доводы сторон поднимают три различных вопроса, а именно, выполнили ли власти свое обязательство по защите заявителя от риска обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, (ii) провели ли эффективное расследование в отношении исчезновения заявителя, и (iii) должен нести ответственность за исчезновение заявителя. Суд рассмотрит каждый из этих вопросов отдельно.

(i) Выполнили ли власти свое обязательство по защите заявителя от риска принудительного перевода в Узбекистан

60. Суд повторяет, что обязательство Договаривающихся сторон в соответствии со статьей 1 Конвенции обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, в сочетании со статьей 3 требует от государств принятия разумных мер для обеспечения эффективной защиты уязвимых лиц и для предотвращения жестокого обращения, о котором властям известно или должно быть известно. Если власти государства-участника уведомляются о том, что лицо подвергается реальной и неминуемой опасности применения пыток и жестокого обращения в результате его передачи любым лицом другому государству, они обязаны в соответствии с Конвенцией принять в пределах своих полномочий полномочий, такие превентивные оперативные меры, которые, по разумным оценкам, могут помочь избежать этого риска (см. Касымахунов, упомянутое выше, §§ 134-135,

61. Как Суд установил в пункте 47 выше, заявитель принадлежал к группе людей, которые систематически подвергались жестокому обращению.-обращению в Узбекистане в связи с их преследованием за религиозно и политически мотивированные преступления. Фактическая картина в деле заявителя аналогична другим делам, в которых Суд установил, что лица, экстрадиция которых запрашивалась по аналогичным обвинениям, были насильственно вывезены из России либо в Узбекистан, либо в Таджикистан (см., среди прочего, Искандаров; Абдулхаков; Савриддин Джураев и Касымахунов, упомянутые выше). Несомненно, что российские власти были хорошо осведомлены – или должны были быть осведомлены – об этих инцидентах и, в свете их опыта и знаний, должны были разумно полагать, что заявитель столкнулся с аналогичным риском исчезновения и незаконного перемещения. после освобождения из-под стражи 11 марта 2014 г. Действительно, Российские власти были настойчиво предупреждены как Судом, так и Комитетом министров о

повторении подобных случаев незаконной передачи из России государствам, не являющимся участниками Конвенции, в частности Таджикистану и Узбекистану. Суд ссылается в этой связи на пять постановлений Комитета министров от 8 марта, 6 июня, 23 сентября, 6 декабря 2012 г. и 7 марта 2013 г. относительно похищений и принудительных перемещений некоторых заявителей в Узбекистан и Таджикистан (их соответствующие части воспроизведены в Савриддин Джураев, упомянутое выше, §§ 122-126). Каждое из этих решений напоминало российским властям о том, что они обязаны обеспечить недопущение подобных инцидентов в будущем путем введения специальных защитных мер.

62. Принимая во внимание вышеизложенный общий контекст и повторяющиеся случаи исчезновения заявителей при сходных обстоятельствах, Суд удовлетворен тем, что российские власти знали до и после освобождения заявителей о том, что им угрожала реальная опасность принудительного перемещения в страну, где он находился. могут быть подвергнуты пыткам или жестокому обращению. Эти обстоятельства в сочетании с прошлым заявителя были достаточно тревожными, чтобы вызвать особую бдительность властей и потребовать соответствующих мер защиты в ответ на эту особую ситуацию (см. Касымахунов, упомянутое выше, § 136).

63. Правительство не сообщило Суду о каких-либо своевременных превентивных мерах, принятых компетентными государственными органами для предотвращения риска похищения или принудительного перемещения заявителя. Принимая во внимание установленную схему исчезновений, направить письмо в областную прокуратуру, областное управление милиции и в Пограничную службу с уведомлением о назначении Судом обеспечительной меры, как утверждали власти Российской Федерации (см. пункт 57). выше), было явно недостаточно для выполнения обязанности по защите, которую российские власти возлагали на заявителя. Не представляется, что факсимильное сообщение представителя заявителя в Федеральную службу безопасности, Пограничный контроль и Генеральную прокуратуру с извещением об исчезновении заявителя и его предстоящей передаче в Узбекистан, не вызвало какой-либо быстрой и жесткой реакции со стороны соответствующих государственных органов (см. пункт 25 выше). Например, нет доказательств того, что администрациям аэропорта было передано какое-либо предупредительное сообщение об особом положении заявителя и необходимости защитить его от принудительного перевода в Узбекистан (ср. Касымахунов, упомянутое выше, § 138).

64. Таким образом, Суд считает, что российские власти не выполнили своего позитивного обязательства по защите заявителя от

реальной и непосредственной опасности подвергнуться пыткам и жестокому обращению.

(ii) Провели ли власти эффективное расследование исчезновения заявителя

65. Суд повторяет, что, когда власти государства-участника уведомляются о том, что лицо подвергается реальной и неминуемой опасности применения пыток или жестокого обращения в результате его насильственной передачи другому государству, они обязаны в соответствии с Конвенцией провести эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных (см. Касымахунов, упомянутое выше, § 144, и Савриддин Джураев, упомянутое выше, § 190). Чтобы быть эффективным, расследование должно быть быстрым и тщательным. Это означает, что власти всегда должны предпринимать серьезные попытки выяснить, что произошло, и не должны полагаться на поспешные или неверные-сделанные выводы закрыть свое расследование или использовать в качестве основы для своих решений. Они должны принять все доступные им разумные меры для получения доказательств, касающихся инцидента, включая, в частности, показания очевидцев и материалы судебно-медицинской экспертизы (см. власти, упомянутые в деле Касымахунова, § 143).

66. Суд с удовлетворением отмечает, что уголовное расследование вероятного похищения заявителя было возбуждено без промедления. В этой связи он повторяет, что возбуждение уголовного дела является наилучшей, если не единственной, процедурой в российской уголовно-правовой системе, которая способна удовлетворить требования Конвенции об эффективном расследовании (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Савриддин Джураев против Соединенного Королевства", § 193, и Ляпин против России, № 46956/09, §§ 135-137, 24 июля 2014 г.).

67. Однако из доводов Правительства следует, что с начала расследования мало что было сделано для установления местонахождения заявителя и установления лиц, ответственных за его исчезновение. Характер запросов, которые включали звонки в различные реестры пропавших без вести и взятие образцов ДНК заявителя, указывает на то, что следствие приняло в качестве единственной рабочей гипотезы смерть заявителя или его похищение частными лицами. Нет информации о том, что рассматривалась правдоподобная версия о его насильственном переводе в Узбекистан представителями государства. Как следствие, элементарные и очевидные следственные действия не были предприняты. Следователи не допросили сотрудников Федеральной миграционной службы, которые задержали заявителя, а затем доставили его в свое помещение. Не было установлено, был ли заявитель взят из дома, как утверждал

его адвокат, или из мечети, как следует из ответа прокурора от 20 августа 2014 г., и каковы были правовые основания для задержания заявителя. Следствие не установило и не допросило никого, кто мог быть свидетелем его освобождения или мог видеть его позже в тот же день. Нет никаких указаний на то, что были получены и проверены списки пассажиров рейсов в Узбекистан или что наземному персоналу в аэропортах и сотрудникам пограничной службы показывали фотографию заявителя и допрашивали. Не было установлено, был ли заявитель взят из дома, как утверждал его адвокат, или из мечети, как следует из ответа прокурора от 20 августа 2014 г., и каковы были правовые основания для задержания заявителя. Следствие не установило и не допросило никого, кто мог быть свидетелем его освобождения или мог видеть его позже в тот же день. Нет никаких указаний на то, что были получены и проверены списки пассажиров рейсов в Узбекистан или что наземному персоналу в аэропортах и сотрудникам пограничной службы показывали фотографию заявителя и допрашивали. Не было установлено, был ли заявитель взят из дома, как утверждал его адвокат, или из мечети, как следует из ответа прокурора от 20 августа 2014 г., и каковы были правовые основания для задержания заявителя. Следствие не установило и не допросило никого, кто мог быть свидетелем его освобождения или мог видеть его позже в тот же день. Нет никаких указаний на то, что были получены и проверены списки пассажиров рейсов в Узбекистан или что наземному персоналу в аэропортах и сотрудникам пограничной службы показывали фотографию заявителя и допрашивали. Следствие не установило и не допросило никого, кто мог быть свидетелем его освобождения или мог видеть его позже в тот же день. Нет никаких указаний на то, что были получены и проверены списки пассажиров рейсов в Узбекистан или что наземному персоналу в аэропортах и сотрудникам пограничной службы показывали фотографию заявителя и допрашивали. Следствие не установило и не допросило никого, кто мог быть свидетелем его освобождения или мог видеть его позже в тот же день. Нет никаких указаний на то, что были получены и проверены списки пассажиров рейсов в Узбекистан или что наземному персоналу в аэропортах и сотрудникам пограничной службы показывали фотографию заявителя и допрашивали.

68. Принимая во внимание указанные выше недостатки расследования, Суд считает, что оно не было ни тщательным, ни достаточно всесторонним и, таким образом, не соответствовало требованиям статьи 3 Конвенции.

(iii) Несет ли государство-ответчик ответственность за пассивное или активное участие его представителей в исчезновении заявителя

69. Суд повторяет, что обязанность властей принимать превентивные оперативные меры для защиты человека от риска заболевания-лечение является обязательством средства, а не результата. Принимая во внимание трудности полицейской деятельности в современном обществе, непредсказуемость человеческого поведения и оперативный выбор, который необходимо делать с точки зрения приоритетов и ресурсов, объем этого обязательства должен толковаться таким образом, чтобы он не налагал невозможного или несоразмерного бремени на власти (см., с соответствующими изменениями, О'Киф против Ирландии [БП], № 35810/09, § 144, ЕСПЧ 2014 (выдержки)). Более того, даже если Суд установил, что обязательство по принятию превентивных мер не было выполнено должным образом, этого вывода самого по себе недостаточно для признания того, что власти были причастны или несут ответственность за исчезновение заявителя (см. Россия, № 17239/13, § 203, 23 октября 2014 г.).

70. Суд отмечает, что с утра 22 июля 2014 года, когда он был взят под стражу, заявителя не видели ни в России, ни в Узбекистане, ни где-либо еще. Его местонахождение до настоящего времени оставалось неизвестным. Это отличает настоящее дело от тех дел, в которых за исчезновением заявителей из России последовало их сообщение о повторном появлении в запрашивающем государстве, что привело Суд к выводу о явной причастности российских властей к содействию трансграничному перемещению (см. другие, Искандаров, §§ 113-115; Адбулхаков, §§ 125-127 и Савриддин Джураев, § 202, все упомянутые выше). Напротив, в недавнем деле Мамажонова заявителя никогда не видели после его освобождения из-под стражи.

71. По аналогии с важность защиты от болезней-обращения, Суд считает, что он должен подвергнуть утверждения об исчезновении самому тщательному анализу, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства. Он повторяет, что лица, взятые под стражу, находятся в уязвимом положении, и власти обязаны их защищать (см. Салман против Турции [БП], № 21986/93, § 99, ECHR 2000VII). В случае исчезновения лица из-под стражи ответственность за его судьбу лежит на государстве.

72. То немногое, что имеется в распоряжении Суда об обстоятельствах исчезновения заявителя, указывает на то, что ранним утром 22 июля 2014 г. он был задержан сотрудниками Федеральной миграционной службы, увезен на своей машине и доставлен в их служебное помещение (см. 23 и 27 выше). Позднее в тот же день ближайшим родственникам заявителя сообщили, что он был

освобожден, и то же самое утверждал надзирающий прокурор в своем ответе адвокату заявителя и власти Российской Федерации в своих замечаниях. Однако, в отличие от дела Мамажонова, доказательств его освобождения из-под стражи нет. Даже если в помещении УФСМ не было видеонаблюдения, как в СИЗО в деле Мамажонова, должна быть возможность идентифицировать лиц, которые находились в помещении в соответствующее время, и получить от них показания. Как Суд установил выше, не представляется, что какие-либо такие шаги были предприняты.

73. Суд повторяет, что единственным реальным способом для России выполнить свои обязательства по Конвенции в настоящем деле было обеспечение проведения исчерпывающего расследования инцидента и информирование Суда о его результатах. Явное невыполнение Правительством своих обязательств в этом отношении (см.66-68выше) и предоставление важной информации и доказательств вынуждает Суд сделать убедительные выводы в пользу позиции представителя заявителя (Правило 44С § 1 Регламента Суда). В этой связи Суд придает большое значение тому, как проводились официальные расследования, поскольку власти, по-видимому, не хотели раскрывать правду об обстоятельствах дела (см.*Савриддин Джураев*, упомянутое выше, § 200, и *Эль-Масри против бывшей югославской Республики Македония* [БП], №. 39630/09, §§ 191-193, ECHR 2012).

74. Суд также считает, что исчезновение заявителя следует рассматривать не как единичный случай, а на фоне многих подобных инцидентов, имевших место в последние годы в России. В ведущем деле *Савриддина Джураева* Суд установил, что неоднократные похищения людей и их последующая передача в страны назначения путем преднамеренного обхода надлежащей правовой процедуры, в частности в нарушение временных мер, указанных Судом, представляют собой вопиющее игнорирование верховенства закона и предположил, что некоторые государственные органы разработали практику в нарушение своих обязательств по российскому законодательству и Конвенции (см.*Савриддин Джураев*, упомянутое выше, § 257). Суд призвал правительство России принять срочные и решительные меры для дальнейшего совершенствования внутренних средств правовой защиты и предотвращения их незаконного обхода в вопросах экстрадиции (там же, § 261).

75. Однако, поскольку решение по делу *Савриддина Джураева* было принято 25 апреля 2013 г. и вступило в силу 9 сентября 2013 г., в Суд поступили сообщения о новых случаях исчезновения. Так, 3 декабря 2013 г. г-н Азимов, в деле которого Суд ранее установил, что принудительное возвращение в Таджикистан приведет к нарушению статьи 3 Конвенции (см. *Азимов против России*, № 67474/11, 18 апреля

2013) был увезен из центра размещения мигрантов пятью лицами, представившимися сотрудниками милиции. 29 апреля 2014 г. г-н Якубов, также бывший заявитель в Суде, запланированная высылка которого в Узбекистан была признана нарушением статьи 3 (см. Якубов против России, № 7265/10, 8 ноября 2011 г.), был перехвачен полицией по дороге на собеседование в российское представительство УВКБ ООН и посажен в фургон без опознавательных знаков. Наконец, в ночь на 22 июля 2014 г. Исаков бесследно исчез; в его предыдущем заявлении Суд также постановил, что его экстрадиция в Узбекистан будет нарушением статьи 3 (см. Абдулажон Исаков против России, № 14049/08, 8 июля 2010 г.). В связи с исчезновением г-на Якубова Комитет министров с обеспокоенностью отметил, что этот инцидент ставит под сомнение надежность мер защиты, установленных российскими властями, и что не было никакой информации о каком-либо прогрессе в расследовании аналогичных предыдущих инцидентов (см. пункт 36 выше). Суд также постановил, что его экстрадиция в Узбекистан будет нарушением статьи 3 (см. Абдулажон Исаков против России, № 14049/08, 8 июля 2010 г.). В связи с исчезновением г-на Якубова Комитет министров с обеспокоенностью отметил, что этот инцидент ставит под сомнение надежность мер защиты, установленных российскими властями, и что не было никакой информации о каком-либо прогрессе в расследовании аналогичных предыдущих инцидентов (см. пункт 36 выше). Суд также постановил, что его экстрадиция в Узбекистан будет нарушением статьи 3 (см. Абдулажон Исаков против России, № 14049/08, 8 июля 2010 г.). В связи с исчезновением г-на Якубова Комитет министров с обеспокоенностью отметил, что этот инцидент ставит под сомнение надежность мер защиты, установленных российскими властями, и что не было никакой информации о каком-либо прогрессе в расследовании аналогичных предыдущих инцидентов (см. пункт 36 выше).

76. Принимая во внимание тот факт, что заявительница в последний раз была замечена под стражей государственных органов, а также установившуюся и последовательную схему исчезновения лиц, находившихся под защитой государства, Суд считает, что российские власти несут бремя доказывания того, что исчезновение заявителя не было связано с пассивное или активное участие представителей государства. Однако они не сняли бремени, и их утверждение об освобождении заявителя не может быть проверено из-за серьезных недостатков национального расследования и его ограниченности. Таким образом, Суд находит, что государство-ответчик должно нести ответственность за исчезновение заявителя.

77. Имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 3

78. Заявитель утверждал, ссылаясь на статью 13 Конвенции, что у него не было доступных эффективных средств правовой защиты в отношении его утверждений о том, что ему может угрожать жестокое обращение в случае его возвращения в Узбекистан. Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты перед национальным органом власти, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве».

79. Суд считает, что суть жалобы заявителя по статье 13, которую он считает приемлемой, заключается в том, что национальные власти не провели тщательного изучения опасности жестокого обращения, с которой заявитель столкнется в случае его экстрадиции в Узбекистан. Суд уже рассмотрел это представление в контексте статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание вышеприведенные выводы, Суд считает, что нет необходимости рассматривать эту жалобу отдельно по существу (см. аналогичный подход в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу "Азимов против Соединенного Королевства", § 145).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

80. Заявитель жаловался, что его содержание под стражей после 30 декабря 2013 года было нарушением статьи 5 § 1 (f) Конвенции. Он также жаловался в соответствии со статьей 5 § 4 Конвенции на то, что он не смог добиться судебного пересмотра своего содержания под стражей. Соответствующие части статьи 5 предусматривают следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законный арест или задержание лица с целью предотвращения его несанкционированного въезда в страну или лица, в отношении которого предпринимаются действия с целью депортации или экстрадиции.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право возбудить дело, в ходе которого суд безотлагательно решает законность его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно. ...»

А. Приемлемость

81. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Далее он отмечает, что оно не является неприемлемым ни по каким другим основаниям. Следовательно, оно должно быть признано допустимым.

Б. Достоинства

1. Доводы сторон

82. Правительство признало, что после первоначального шестимесячного периода содержание заявителя под стражей после 30 декабря 2013 г. было нарушением пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако они утверждали, что, поскольку заявитель имел возможность принимать участие в слушаниях по делу о содержании под стражей и делать устные заявления в суд, нарушение пункта 4 статьи 5 не имело места.

83. Заявитель утверждал, что его пребывание под стражей после 30 декабря 2013 г. было незаконным. Он также утверждал, что национальные суды должны были эффективно рассмотреть существо его доводов, чтобы выполнить требования пункта 4 статьи 5. Однако ни Тюменский областной суд 13 февраля 2014 г., ни Калининский районный суд 21 февраля 2014 г. изучил суть его жалоб. Как следствие, он был освобожден из-под незаконного задержания только 11 марта 2014 года.

2. Соблюдение статьи 5 § 1 Конвенции

84. Суд отмечает, что экстрадиция заявителя была санкционирована в отношении преступлений, которые по российскому законодательству классифицируются как преступления средней тяжести. При таких обстоятельствах максимальный срок содержания под стражей был установлен законом в шесть месяцев (см. пункт 30 выше), и в случае заявителя он истек 30 декабря 2013 года. Его содержание под стражей после этой даты перестало быть законным с точки зрения национального законодательства. Областной суд в своем решении от 11 марта 2014 г. и Правительство в своих представлениях в Суд признали его незаконным характер.

85. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей после 30 декабря 2013 года.

3. Соблюдение статьи 5 § 4 Конвенции

86. Суд повторяет, что статья 5 § 4 Конвенции дает задержанным лицам право возбудить дело о проверке соблюдения процессуальных и материальных условий, необходимых для «законности» их лишения свободы. Хотя пункт 4 статьи 5 не обязывает суд, рассматривающий ходатайство об освобождении, рассматривать каждый довод, содержащийся в заявлениях задержанных, его гарантии лишились бы своего существа, если бы этот суд мог рассматривать как не относящиеся к делу или игнорировать конкретные факты, на которые ссылались задержанные, которые могут поставить под сомнение наличие условий, необходимых для «законности» в смысле Конвенции их лишения свободы (см. *A. and Others v. the United Kingdom* [GC], № 3455/05, § 202, 19 февраля 2009 г., и *Николова против Болгарии* [БП], № 31195/96, § 61, ЕСПЧ 1999II). Более того, Пункт 4 статьи 5 Конвенции, гарантируя задержанным право возбудить дело об оспаривании законности их задержания, также провозглашает их право после возбуждения такого дела на «быстрое» судебное решение относительно законности задержания. Суд ранее уже находил задержки в 36, 29 и 26 дней несовместимыми со статьей 5 § 4 (см. *Мамедова против России*, № 7064/05, § 96, 1 июня 2006 г.).

87. Заявитель неоднократно приводил довод о том, что его содержание под стражей перестало быть законным по истечении первоначального шестимесячного периода, как в своем апелляционном заявлении в областной суд, так и на новом слушании дела о содержании под стражей в районном суде (см. пункты 19 и 21 выше). Этот довод, несомненно, был существенным условием для определения законности его лишения свободы в период после 30 декабря 2013 г. Однако оба суда сочли этот довод не относящимся к делу и проигнорировали его в своих решениях. Областной суд сначала рассмотрел существо жалобы заявителя и распорядился о его освобождении только 11 марта 2014 г., то есть через семьдесят дней после того, как его содержание под стражей перестало быть законным.

88. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ПРАВО НА ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 34 КОНВЕНЦИИ

89. Представители заявителя утверждали, что его исчезновение и возможное незаконное выдворение из России, непринятие российскими властями необходимых мер защиты и отсутствие эффективного расследования этого дела явились нарушением

временной меры, указанной Суд в соответствии с правилом 39. Эти жалобы, по существу касающиеся нарушения права на подачу индивидуальной жалобы, подлежат рассмотрению в соответствии со статьей 34 Конвенции, которая гласит следующее:

«Суд может принимать заявления от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

90. Правило 39 Регламента Суда предусматривает:

«1. Палата или, в соответствующих случаях, ее Председатель может по просьбе стороны или любого другого заинтересованного лица или по своей собственной инициативе указать сторонам любые временные меры, которые, по ее мнению, должны быть приняты в интересах сторон или надлежащего ведения разбирательства перед ним.

2. Если это считается уместным, немедленное уведомление о мерах, принятых в конкретном случае, может быть направлено Комитету министров.

3. Палата может запросить у сторон информацию по любому вопросу, связанному с применением любой обеспечительной меры, на которую она указала».

91. Суд повторяет, что в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся государства обязуются воздерживаться от любых действий или бездействия, которые могут помешать эффективному осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, которое неоднократно подтверждалось как краеугольный камень системы Конвенции. В соответствии с прецедентной практикой Суда, несоблюдение государством-ответчиком обеспечительных мер влечет за собой нарушение этого права (см. Маматкулов и Аскарлов против Турции [БП], №№ 46827/99 и 46951/99, §§ 102). и 125, ECHR 2005I, и Абдулхаков, упомянутое выше, § 222). Суд не считает необходимым еще раз подробно останавливаться на важности обеспечительных мер в системе Конвенции и их исключительном характере, требующем максимального сотрудничества со стороны государства, поскольку эти принципы четко установлены.

92. Суд находит тревожным тот факт, что поведение российских властей следует той же модели, а именно несоблюдение обеспечительных мер, указанных в Правиле 39 Регламента Суда, в отношении заявителей, которые преследуются в Узбекистане и Таджикистане в связи с обвинения в экстремизме или терроризме (см. Касымахунов, §§ 183-189, и Савриддин Джураев, §§ 216-219, оба цитировались выше). При таких обстоятельствах Суд рассмотрит предыдущие решения, позицию Комитета министров, а также беспрецедентный и повторяющийся характер подобных инцидентов в

качестве решающего контекстуального фактора в настоящем анализе (см. Мамажонов, упомянутое выше, § 215).

93. Правительство, по их мнению, полностью выполнило свои обязательства по правилу 39 Регламента Суда и статье 34 Конвенции, уведомив соответствующие правоохранительные органы об указанной мере и воздержавшись от высылки заявителя в Узбекистан. Суд не разделяет эту точку зрения.

94. Как Суд установил выше, российские власти не приняли защитных мер, способных предотвратить исчезновение заявителя и его возможную передачу в Узбекистан, и не расследовали эту возможность эффективно (см. пункты 66-68 выше). Эти выводы, рассматриваемые на фоне нарушений, повторяющихся в делах об экстрадиции против России, вынуждают Суд сделать вывод о том, что российские власти как минимум не выполнили указанную обеспечительную меру, не действуя с необходимой и требуемой осмотрительностью (ср. Мамажонов, упомянутое выше, § 217).

95. Очевидно, что исчезновение заявителя создает опасную ситуацию, когда он лишается защиты, предоставляемой механизмом Конвенции, и не может участвовать в разбирательстве в Суде, а также ставит под вопрос исполнение решения, если оно станет окончательным.

96. Следовательно, Суд заключает, что Россия проигнорировала обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и, следовательно, не выполнила свое обязательство по статье 34 Конвенции.

V. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

97. В соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции настоящее решение не станет окончательным до тех пор, пока (а) стороны не заявят, что они не будут просить о передаче дела в Большую Палату; или (b) через три месяца после даты вынесения решения, если дело не было направлено в Большую Палату; или (c) Коллегия Большой Палаты отклоняет любую просьбу о передаче дела в соответствии со статьей 43 Конвенции.

98. Местонахождение заявителя до сих пор неизвестно, но он по-прежнему подлежит экстрадиции в соответствии с окончательными решениями российских судов по данному делу. Принимая во внимание вывод о том, что заявителю будет угрожать серьезная опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в Узбекистане, в интересах надлежащего ведения разбирательства Суд считает необходимым оставить в силе ходатайство ранее указанная мера в соответствии с Правилom 39

Регламента Суда до тех пор, пока настоящее решение не станет окончательным, или до дальнейшего распоряжения.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

99. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшая сторона».

А. Ущерб

100. Заявитель потребовал 30 000 евро (евро) в отношении-материальный ущерб.

101. Правительство считало, что установление факта нарушения будет достаточной справедливой компенсацией.

102. Принимая во внимание характер установленных нарушений статьи 3 Конвенции и конкретные факты настоящего дела и действуя на основе справедливости, Суд присуждает заявителю 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут быть платным.

Б. Затраты и расходы

103. Заявитель также потребовала 7 600 евро в качестве возмещения издержек и расходов, понесенных в ходе разбирательства об экстрадиции в национальных судах, и 8 000 евро в отношении расходов, понесенных в Европейском Суде.

104. Правительство утверждало, что заявитель не представил договор об оказании юридических услуг или каких-либо квитанций об оплате.

105. В соответствии с прецедентной практикой Суда заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и издержек только в той мере, в какой было доказано, что они были фактически и необходимо понесены и являются разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание документы, находящиеся в его распоряжении, и вышеуказанные критерии, Суд считает разумным присудить сумму в размере 5 000 евро, покрывающую судебные издержки и расходы в рамках внутригосударственного разбирательства, и 5 000 евро в связи с разбирательством в Суде, а также любые налоги, которые могут взиматься, должны быть уплачены на банковские счета представителей.

С. Проценты за неуплату

106. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка по умолчанию основывалась на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

107. Соответствующая часть статьи 46 Конвенции гласит:

Статья 46. Обязательность и исполнение судебных решений

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать окончательное решение Суда по любому делу, сторонами которого они являются.

2. Окончательное решение Суда передается в Комитет министров, который осуществляет надзор за его исполнением...»

108. Суд отмечает, что настоящее дело выявило несколько нарушений одного из основных прав, защищаемых статьей 3 Конвенции, игнорирование обеспечительных мер, указанных в правиле 39 Регламента Суда, и вмешательство в право на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34. Конвенции. Кроме того, Суд повторяет, что местонахождение заявителя до сих пор неизвестно, и нет никаких признаков какого-либо прогресса в расследовании его исчезновения.

109. Принимая во внимание вышеизложенное, принимая во внимание шаткую ситуацию, когда заявитель в настоящее время лишен защиты, предоставляемой механизмом Конвенции, и заботясь об обеспечении обязательной силы и исполнения настоящего решения, Суд вынужден рассмотреть некоторые аспекты настоящего дела в соответствии со статьей 46 Конвенции.

А. Выплата справедливой компенсации

110. Ввиду того, что местонахождение заявителя до сих пор неизвестно, Европейский Суд обеспокоен способами выплаты справедливой компенсации. Суд уже сталкивался с подобными ситуациями с заявителями, которые оказались недоступными после их высылки из государства-ответчика. В некоторых из этих дел он указал, что государство-ответчик должно обеспечить выплату справедливой компенсации путем содействия контактам между заявителями, их представителями и Комитетом министров (см. Муминов против России (справедливая компенсация), № 42502/06, § 19 и пункт (с) резолютивной части, 4 ноября 2010 г., и Камалиевы против России

(справедливая компенсация), № 52812/07, § 14 и пункт 1(с) резолютивной части, 28 июня 2011 г.). В других случаях

111. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что после исчезновения заявителя не было никаких контактов между ним и его представителем в Суде или его ближайшими родственниками. Ввиду этого Суд считает целесообразным, чтобы сумма, присужденная ему в качестве справедливой компенсации, находилась в доверительном управлении его представителя г-жи Ермолаевой до тех пор, пока выплата заявителю не будет взыскана.

В. Индивидуальные меры по исправлению положения в отношении заявителя

112. Суд, однако, считает, что обязательство выполнить настоящее решение не может быть ограничено выплатой денежной компенсации, присужденной в соответствии со статьей 41, которая предназначена только для возмещения таких последствий нарушения, которые не могут быть устранены иным образом. (см. Scozzari and Giunta против Италии [GC], №№ 39221/98 и 41963/98, § 250, ECHR 2000VIII).

113. Суд повторяет, что основная цель индивидуальных мер, которые должны быть приняты в ответ на судебное решение, состоит в том, чтобы добиться *restitutio in integrum*, то есть положить конец нарушению Конвенции и возместить его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько это возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения (см. Папамихалопулос и другие против Греции (статья 50), 31 октября 1995 г., § 34, Серия А, № 330-В).

114. Хотя на основании информации, предоставленной государством-ответчиком, должно быть предоставлено Комитету министров возможность контролировать принятие таких индивидуальных мер, которые являются осуществимыми, своевременными, адекватными и достаточными, Суд считает это необходимым для Российской Федерации. бдительно продолжать уголовное расследование исчезновения заявителя и принять все дальнейшие меры в пределах своей компетенции, чтобы положить конец установленным нарушениям и возместить их последствия.

С. Общие меры по предотвращению подобных нарушений

115. В отношении общих мер Суд повторяет, что в деле Савридина Джураева (упомянутом выше, §§ 256-64) он заявил, что решительные общие меры, способные решить повторяющуюся проблему с аналогичными делами, должны быть приняты без промедления, включая «дальнейшее улучшение внутренних средств правовой защиты». в делах об экстрадиции и высылке, обеспечение законности

любых действий государства в этой области, эффективная защита потенциальных жертв в соответствии с временными мерами, указанными Судом, и эффективное расследование каждого нарушения таких мер или аналогичных противоправных действий» (там же, § 258).

116. Европейский Суд хорошо осведомлен о юридических, административных, практических сложностях и сложностях в сфере безопасности, связанных с исполнением его решений, и поэтому не считает целесообразным дальнейшее развитие подхода, который был ранее принят в деле Савридина Джураева (упомянутого выше).

117. Тем не менее, принимая во внимание настоящее дело, Суд повторяет, что в деле Савридина Джураева он одобрительно упомянул «недавнее значительное развитие отечественной судебной практики, предпринятое Верховным Судом Российской Федерации в его Постановлении №. 11 от 14 июня 2012 года» (упомянутое выше, § 259). Постановление рассматривалось как инструмент, позволяющий судебным органам избежать таких недостатков, как те, которые подверглись критике в этом постановлении, и далее развивать формирующуюся внутреннюю прецедентную практику, которая непосредственно применяет требования Конвенции через судебную практику. Таким образом, Суд сохраняет свое мнение о том, что подлинное и неукоснительное применение этого постановления всеми российскими судами способно улучшить внутренние средства правовой защиты в делах об экстрадиции и высылке.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. объявляет заявление приемлемым;
2. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем, что заявитель подвергся реальной и непосредственной опасности пыток и жестокого обращения, санкционировав его экстрадицию в Узбекистан;
3. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с ответственностью российских властей за исчезновение заявителя и их непроведением эффективного расследования инцидента;
4. Постановил, что нет необходимости рассматривать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции;

5. Постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей после 30 декабря 2013 года;
6. Постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
7. Постановил, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства по статье 34 Конвенции;
8. постановляет продолжать указывать правительству, что в интересах надлежащего ведения разбирательства желательно сохранить применение ранее указанной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда до тех пор, пока настоящее решение не станет окончательным или до тех пор, пока дальнейший заказ;
9. Держит
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, подлежащие конвертации в валюта государства-ответчика по курсу, действующему на дату расчета:
 - (i) 7 500 евро (семь тысяч пятьсот евро) в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут взиматься, которые будут храниться для него в доверительном управлении его представителем г-жой Ермолаевой до тех пор, пока не может быть произведена выплата заявителю. принудительный;
 - (ii) 10 000 евро (десять тысяч евро) в качестве возмещения расходов и издержек, а также любой налог, которым может облагаться заявитель, включая 5 000 евро (пять тысяч евро), подлежащих уплате на банковский счет г-на Храмова, и 5 000 евро (пять тысяч евро).) подлежащих оплате на банковский счет г-жи Ермолаевой;
 - (b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанные суммы будут выплачиваться по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неисполнения плюс три процентных пункта;
10. Отклоняет остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 21 мая 2015 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Регистратор

Изабель Берро
президент